

О. И. Голованова*

Повседневная жизнь Тюменского уезда второй половины XVIII века как показатель межэтнических отношений русскоязычного и тюркоязычного народов

Рассматривая вопрос о месте России во всемирной истории, специфике ее собственной истории и культуры, о своеобразии ее государственности, очень часто обращаются к старой философско-исторической схеме Восток – Запад. Исследователи считают, что Россия как бы колеблется между Востоком и Западом (точка зрения Г. В. Плеханова); можно объявить ее великим Востоко-Западом или Западо-Востоком (по Н. А. Бердяеву), можно рассматривать ее как «третью силу», которая прямо не зависит ни от Востока, ни от Запада, образуя свой особый мир (позиция евразийства).

Принятие в 988 г. христианства стало историческим выбором, определившим судьбу России в мировой истории. Это было шагом к Западу – цивилизации европейского типа. Однако в процессе формирования российского государства приняло участие и неславянские племена (угро-финны, тюрки и др.) на базе православия, которое выступало мировоззренческой парадигмой общества. Россия имеет многовековой опыт мирного сосуществования разных этносов в одном государстве, взаимовлияние которых и определяет специфику социокультурного развития страны.

Цель статьи – показать на архивном материале межэтнические отношения, которые складывались не в столице, а в провинции, тем более в далекой Сибири, которая во второй половине XVIII века российскими обывателями воспринималась отдельно от России. Восстановление реальной картины сегодня возможно только в результате изучения архивных документов, в частности делопроизводственных материалов Тюменского нижнего земского суда, которые принято в источниковедении считать массовыми историческими источниками.

---

* *Ольга Ивановна Голованова* – к. филол. н., доцент кафедры истории и культурологии Тюменского государственного нефтегазового университета (г. Тюмень).

Хронологические рамки охватывают период с 1782 по 1796 г. Нижняя граница – 1782 г. – соответствует началу административно-государственных изменений в Сибири (учреждение Тобольского наместничества, упразднение института воевод и др.), в частности в Тюменском уезде. Верхняя – 1796 г. – связана с упрощением системы учреждений, их централизацией и соответствует началу правления Павла I (1796–1801 гг.).

Выбор документов обусловлен значительным перераспределением в эти годы центра тяжести управления из столицы государства на периферию вследствие проведенных реформ и, как результат, мощным притоком состава служащих в новые присутственные места, сформированные по сословному принципу, – а это несет с собой вовлечение в делопроизводственные процессы широкого круга новых адресантов – новую волну «умов».

Рассматривая внешнюю сторону анализируемых документов, хранящихся в Тюменском государственном архиве Тюменской области, можно сказать, что тексты фиксируют упрощенный вариант скорописи, выработку у чиновников и служащих «писарского почерка». Следует отметить присутствие в некоторых документах арабской графики.

Границы Тюменского уезда определялись, как следует из «Ведомости ис каких имянно селениевъ Тюменская округа», следующим образом: «над реки Турой на обеих сторонах: от Тоболска – 254 от Верхотурья 358, Туринска 150, от Ялуторовска 84» [1; 89 об.]. Нами обнаружены сведения о численности населения уезда на 1782 г.: «Итого в городе Тюмени и уезде онаго купцов 52 мещан и цеховых 1 862 государственных крестьянъ 7 778 экономических крестьян 1 144 ямщиковъ 1 727 дворовых людей – 174 отставных дворянъ сын боярских салдат и казаковъ мастеровыхъ и детей их 655 полских конфедератов малороссианъ и детей их 30 поселщиков положенных в подушной оклад 69 ясашных крещеных и некрещеных татаръ 1 474 бухарцов 606 у них дворовых людей ис пленных карыкалпаков 24 а всего 15 595» [1; 89 об.]. Таким образом, Тюменский уезд представлял собой полиэтническое общество с различными традициями и нравами, обрядами и обычаями, ритуалами и церемониями, манерами и этикетом в повседневной жизни.

Тюменский нижний земский суд, являясь административно-полицейским учреждением в уезде, был образован в сентябре 1782 г. в результате разделения полномочий упраздненной летом того же года Тюменской воеводской канцелярии.

Работа Тюменского нижнего земского суда сосредоточивалась вокруг вопросов, связанных с исполнением распоряжений вышестоящих властей, приговоров судов по различным вопросам (препровождение и розыск колодников, размещение и снабжение войс-

ковых частей, комплектование армии рекрутами); с борьбой против уголовной преступности, с охраной общественного порядка, азартными играми; с проведением предварительных следствий по уголовным и гражданским делам; с контролем над уплатой населением податей и сборов; с развитием ремесел, промыслов; с обеспечением санитарной и пожарной безопасности; с осуществлением подготовки документов по различным переписям жителей уезда и т. д. — т. е. со всеми сторонами жизни в Тюменской округе, исключая г. Тюмень.

Документы засвидетельствовали, что на протяжении деятельности суда в нем в разные годы служили как представители русскоязычного, так и тюркоязычного населения. Например, сельские заседатели: в 1782 г. «деревни Плехановои экономической крестьянинъ Иванъ Важенинъ изъ ясашных татар Таут Айпытаков», далее: Иван Загорской, Бектимир Юмашев, Прокопий Парфенов, Аптула Кондюков, Семен Важенин, Андрей Малчихин, Аит Аитпаков, Абдрахман Тажбулатов и др. [см.: 2, 3].

Так выживаемость централизованного Российского государства в сложных геополитических условиях во многом обуславливалась качеством государственной службы региональных мелких чиновников и служащих канцелярий на благо государства. Они являлись на местах проводниками «государева слова». Приток людей в штат Тюменского нижнего земского суда осуществлялся если не из компетентных, то, по крайней мере, из обладающих морально-нравственным авторитетом в своей среде представителей непривильгированного уездного населения, которые и определяли работу присутственного места.

В компетенции Тюменского нижнего земского суда было проведение предварительных следственных процедур, где дворянские или сельские заседатели выезжали на места происшествий. В качестве примера обратимся к следственному делу о пожаре в Больших Акиярских юртах Тюменского уезда. 21 мая 1792 года произошел пожар в юрте Юсупа Азанова, который перекинулся на соседние дворы. Местные жители, как сообщается в рапорте Шамы Исенбаева, были в это время на своих пашенных землях. В тушении пожара участвовали, кроме сбежавшихся на пожар обывателей, «мимо едущие с приказом из Тюменского нижнего земского суда салдат Якимов и с ним волостной староста Луппъ Кособоровъ и выборной Широковской, ... кои в том несчастьи какъ наивозможно приложили старание к унятию того огня» [см.: 4; 1–8].

Следственное дело представлено следующими документами: рапортом в Тюменский нижний земский суд апекуна Акиярских юрт Шамы Исенбаева (22 мая 1792 г.), рапорта в Тюменский нижний земский суд от дворянского заседателя прапорщика Демидова

(1 июня 1792 г.), допроса, содержащего допросные речи ясачных татар Юсупа Азанова, Аитпака Бикбулатова и Мусы Бехметева (31 мая 1792 г.), повального обыска с ясачных татар, всего 23 чел. (31 мая 1792 г.) и рапорта в Тобольское наместническое правление из Тюменского нижнего земского суда (1 июня 1792 г.).

Далее приведем транслитерированный допрос ясачного татарина Юсупа Азанова: 1792-го года мая 31 дня по рапорту Червишевской волости юрть Болшихъ Аиярскихъ апекуна Шамы Исенбетева а на ѓном по постановленному в Тюменском нижнемъ земскомъ суде журналу ѓ згоревших в техъ юртахъ Акиярскихъ дву домахъ заключающияся по тому делу люди на месте в означенныхъ юртахъ Акиярскихъ допрашиваны и показали: ясашной татаринъ Юсупъ Азановъ от роду ему сорокъ летъ в грамоте по махометанскому закону писат несколько уметь а читать не знает по руски говорит умеет же; женат детей имеетъ четырехъ сынов и две дочери, жил до пожара в означенныхъ юртахъ Акиярскихъ своимъ домомъ скотоводство и хлебопашество производить, напред сего в штрафахъ наказаніяхъ и ни в какихъ подозреніяхъ никогда и ни за что не бывалъ и нынешнего 1792-го года мая 20 дня в самые полдни приехал ѓнъ Юсупъ с пашни домой стал поужинат; а жена ево Сагаита Рахмангулова затопила ачакъ в которомъ вмазанъ котѳоль а по татарскихъ называють казанъ в коемъ грела воду для печенія хлеба; и в тот же самой часъ услышал ѓнъ Юсупъ что кричить руской человекъ, что де юрта твоя горит почему ѓнъ Юсупъ в ту жъ самую минуту выбежал на улицу и увиделъ кричит Червишевскаго волостнаго суда староста Луппъ Кособоров а также увидель что на юрте ево крышка горит и ѓнъ Юсупъ вскочилъ на кровлю и начал разбрасывать драницы а при томъ кричать что юрта ево горит почему и збежалось на крыкъ ево татаръ человекъ до пяти кои потому жъ стали ѓгонъ тушит но ѓднако унять не могли а ѓгонъ уже усилился которой увидели бывшие техъ юрть Акиярскихъ юрть жители татара на пашняхъ также в скоромъ времени збежались; а между темъ юрта ево почти вся уже згорела ис пристроенными саями и сараями; от коихъ загорелся у живущаго подле ево ясашного жъ татарина Аитпака Бикбулатова сарай а ѓот одного также загорелась юрта того Бикбулатова и загорело другой сарай анбаръ и всѳо строение а от его Бикбулатова дому загорелся же у ясашного жъ татарина Мусы Бихметева сарай которой также згорель а более по собраніи народа другимъ домамъ вреда не учинилось; а какимъ ѓбразомъ на юрте ево Юсупа Азанова загорелась крышка того ѓнъ не знаетъ; а также и сумнителства в зажженіи ни на кого не имеет; згорело жъ у него Азанова хлеба ѓвса пять четвертей полбы две четверти четыре четверика ячменю четверть четыре четверика ржи шесть четвертей гречи семь четвертей четыре черверика, платяа две шубы бараньи три

рубли зипунъ синего четыре рубли армякъ верблюжеи шерсти рубль пятьдесят копеекъ двои чарки пятьдесят копеек двои чулки суконные пятьдесят копеек три косы и четыре серпа рубль сорокъ пять копеекъ две пары рукавицъ и с ысподнами адне волчьи а другие коженые восемьдесят копеекъ седельная деревяна сорокъ копеекъ, женская бартовая куртня четыре рубли шапка крыта красным сукном опушена простым бобром три рубли кумашная рубашка два рубли, а згоревшее строение стоило дватцети рублей а всего кроме хлеба на сорокъ адинъ рубль пятнадцать копеек; и в сем допросе показал самую истинну в томъ и утверждаетца: (арабская графика).

Источники

1. ГУТО ГАТО. Ф. И-10. Д. 1. Лл. 1–265. Указы от высшего правительства с начала открытия Тюменского нижнего земского суда.
2. ГУТО ГАТО. Ф. И-10. Д. 233. Лл. 1–2. Журнал заседаний земского суда.
3. ГУТО ГАТО. Ф. И-10. Д. 4151. Лл. 1–4. Ведомость на выдачу жалованья канцелярским служащим.
4. ГУТО ГАТО. Ф. И-10. Д. 3246. Лл. 1–8. Следственное дело о пожаре в Больших Акиярских юртах.